

Илья Либман

АЛИСА

Илья Либман

Алиса

«Геликон Плюс»

2017

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

Либман И.

Алиса / И. Либман — «Геликон Плюс», 2017

ISBN 978-5-00098-088-0

Это история молодой женщины, Алисы, жительницы нью-йоркского Бруклина, происшедшая в переломное для ее жизни время смены карьеры с гламурно-артистической на повседневнообычную. Она была исполнительницей характерных песен одного из русских ночных клубов веселого Брайтона до той поры, пока ее дуэт с подругой логически не пришел к финалу. Новая карьера не далась ей легко и гладко. Помимо обыденной службы в офисе ее незаурядная внешность, легкий нрав и острый ум делают ее жизнь насыщенной и разноплановой, полной романтических событий с разными мужчинами, пока однажды она неожиданно не получает приглашения приехать в гости к своей бывшей сценической напарнице, живущей в Ричмонде. Ее поездка, однако, не была запланирована подругой. По случайному стечению обстоятельств она отправляется в поездку одна и неожиданно встречает там заочного обожателя, о котором никогда не знала раньше. В отличие от всех ее нью-йоркских приятелей ее новый друг предлагает ей моногамное партнерство и готов следовать за ней по ее желанию. Алиса недолго стоит на распутье: за мимикрично-приятной внешностью нового соискателя она видит интересного человека с непростым прошлым. Есть в истории и криминальная линия, которая разрешается без вмешательства правоохранительных органов. Сцены и эпизоды нью-йоркской и ричмондской жизни наполнены красочными описаниями, привязанными к конкретным событиям.

УДК 833.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)44

ISBN 978-5-00098-088-0

© Либман И., 2017
© Геликон Плюс, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Илья Либман

Алиса

Глава первая

Так всегда случается, когда этот дурацкий ключ не хочет влезать в правильный замок и ключевой момент растягивается, как время полета пули из фильма «Матрица».

Когда Алиса подняла все-таки трубку, то услышала свой неуверенный голос, предлагающий оставить краткое сообщение и номер телефона.

Она стояла на кухне в ожидании этого сообщения, а кошка в это время уже начала покусывать свежую зелень, торчащую из продуктового мешка.

Звонила Асунта из своей колониальной деревни и приглашала ее в гости на недельку. У Алисы радостно забило сердце: что не нужно будет болтаться в выкипающем и надоевшем городе на праздник 4 июля. Асунта звучала не слишком радостно, но и не печально, сообщая, что питерская кошка разродилась четырьмя ушастиками-чертенятами, чтобы Алиса захватила черносмородиновой наливки, но не одну пол-литровую бутылку, а две, что ей лучше поехать на ночном автобусе, а Асунта ее встретит на автовокзале в Ричмонде на машине.

Дальше сообщение резко обрывалось из-за недостаточной краткости.

Алиса подумала, что деревенская жизнь расслабляет настолько, что деревенский человек даже не в состоянии оставить краткого сообщения и вписаться в отведенное время.

Надгрызенный котом сельдерей свешивался опавшим членом над черной шашечкой давно не мытого пола, напоминая картину Дали об опавших членах.

Кот двигал пустую плошку из-под воды и многозначительно молчал в ее направлении.

Мысли в Алисиной голове текли ровно, как колбаска крем-брюле, укладываясь кольцами плотно друг к другу: «Сегодня только понедельник вечер. Завтра напишу заявление и поднесу его Джерому вместе с реестром чеков, чтобы нейтрализовать его радость обогащения моим заслуженным отдыхом. У меня полно переработанных дней, часов и минут.

Конечно, он ревнует меня вообще ко всему, что двигается, включая бесполок курьеров.

Он думает, что как только я покидаю контору на дольше, чем выходные дни, так сразу оказываюсь в чьих-то объятиях, а ведь он – мой босс и имеет самое первое право на мое внимание, несмотря на его жену, секретаршу и двойку-тройку девах-маркитанток с фабрики инвалидовных колясок.

Мне надо бы поменьше каменеть на нем взором и остроумие свое притупить до уровня зарплаты.

Сколько раз говорила себе, что себя надо продавать не всю сразу, а частями: все мои идеи внедряются, как постановления партии, но жизнь от этого почему-то не улучшается.

Он думает, что я часть его семейного бизнеса... Надо будет получше загореть лицом, чтобы белизна зубов... После работы зайду в винный к Фире за наливкой, и нужно не забыть купить бейгелс и плавленого сыра с зеленым чесноком. Параллельно с мыслями в голове, руки с роботической точностью ловко перекидывали продукты, принесенные из магазина, на открытые полки холодильника: молочные к молочным, мясные к мясным, а разночинные – в многоярусные надверные карманы. А ноги просто пританцовывали в полоборота туда-обратно-туда. Алисины кухня, видимо, была построена с учетом того, что когда-нибудь на ней будут производиться киносъёмки: в ней всегда было светло из-за окон, расположенных на противоположных стенах. По ночам темнело, но не слишком, потому что крыша дома находилась прямо напротив ее кухонного окна через проезд между домами. А на крыше стоял сильный прожектор сродни тем, что светят на тюремные ограды.

Недавно, разглядывая себя в зеркале, Алиса пришла к выводу, что новые морщинки в уголках глаз появились от непроизвольного зажмуривания на кухне – так бывало там светло. Можно было, правда, читать допоздна, но зато и сон снимало, как рукой, если вдруг ночью случилось зайти на кухню. В ночное время кухня больше походила на театральную сцену, чем на кинопавильон: иногда устраивалось непроизвольное теневое представление, за которым можно было наблюдать из коридора.

Зазвонил телефон. Алиса молчаливо сняла трубку и подержала ее какое-то время около уха, а потом так же без слов водворила ее на место.

Звонил Сергей, предлагал ей ответить «по-хорошему», потому что кратко ему не сообщить, что его там переполняет. Она подумала, что, может быть, стоит ему перезвонить и предложить ехать с ней к Асунте в гости на неделю, но сразу отклонила такой неразумный позыв – зачем испытывать судьбу без необходимости. Нам неделю без перерыва на других не прожить. Сергей, на ее взгляд, просто еще не привык быть разведенным, поэтому его все время и переполняет. Незрелый он еще одиночка, чтобы ехать с ним на неделю в госте к Асунте. Мысль про Сергея не осталась бесследной – все равно нужно было кому-то звонить. Не может же она оставить свою живность без присмотра. Можно было бы обратиться к соседскому мальчику, как и в былые времена. Но, пожалуй, не стоит. У него уже наступила пора первых усов. Голос ломается, и неизвестно, чем он заниматься будет у нее в квартире.

Алиса уселась на шаткую любимую табуретку и подумала про Асунту: с чего это девушка решила ее в гости пригласить «среди шумного бала, случайно».

Когда-то они были очень близки... и бедны так, что делили один микрофон. Когда-то они работали в одной музыкантской команде исполнительницами характерных песен.

Вообще-то Алиса подобрала Асунту в книжном магазине «Петербург», когда та пыталась получить там работу.

Алиса поняла, что Асунта ищет не только работу, но и многое другое. Алиса тогда попросила помочь ей донести мешки с покупками до 7 Брайтона за чашку кофе и рулет с маком. Девушка согласилась. Так они и познакомились.

Асунта была беглянкой не то от бухарских родителей, не то от бухарского мужа из далекого Куинса и мыкалась в Бруклине в поисках пристанища.

За кофе с рулетом она рассказала, что жила всю прошлую неделю у какого-то одинокого дяденьки-таксиста за стирку и готовку и что он к ней приставал, но засыпал от усталости, к счастью. Они тогда смеялись...

Они с Асунтой провели несколько лет, меняя музыкантов, кабаки и репертуар. Но потом Асунта задружила с Севой, и не просто задружила, а зажила. Сева был их музыкальным руководителем и сшибал халтуры помимо основной работы. Он выглядел безвозрастно и был очень энергичен. Никто толком не знал, сколько ему лет, но ходили слухи, что он – дедушка. Все у них было хорошо, но однажды Сева исчез из состава. Нового лидера у них не было. Они повиступали еще немного, и их вытеснила другая команда, моложе и задорней. Алиса не стала искать новую точку, потому что давно говорила себе, что пора менять профессию. Так она и сделала – пошла работать диспетчером в большую радио-лимокомпанию.

Асунта тогда сказала, что тоже выступать больше не хочет и не хочет больше жить в Нью-Йорке.

У Алисы начались тяжелые времена на работе и в семье.

Ее муж, в прошлом – полупрофессиональный спортсмен, был категорически против ее ухода с подмошков. Его жизнь стала еще скучнее – нельзя было больше приходиться в ресторан, есть и пить там бесплатно, быть «причастным». Он был по инерции ревнив и пару раз устраивал из-за Алисы взбучку посторонним мужчинам, но их семейная постель давно была прохладной.

Алисин переход к лимузинщикам показал, как одинока была она на самом деле. Прикрываясь вывеской «сложности на службе», Алиса не торопилась домой и сидела там, что называется, «до последнего».

Сложностей особенных, однако, не было, наоборот, было даже интересно: после стольких лет раздолбайской работы, построенной на совершенно других принципах, здесь приходилось работать головой. Алиса не занималась этим процессом с самой институтской скамьи.

Надо заметить, что по образованию она была программистом широкого профиля. За неделю работы на новом месте Алиса запомнила имена, номера и голоса почти всего действующего состава своей команды, ловко манипулировала телефоном и языками, а когда начала заниматься логистикой перевозок, то на нее обратили внимание оба брата-хозяина и никак не могли ее поделить между собой.

Алиса, совершенно непривычная к полукорпоративному-полуфеодалному отношению, рассматривала это явление, как полевое испытание во враждебной среде. Надо заметить, что оба брата были отличные семьянины, но вот Алиса как-то запала им обоим одновременно. Вся лимокомпания с интересом наблюдала за происходящим; в местной компьютерной сети появлялись новости о последних событиях.

Явление превратилось в своего рода многосерийное околоспортивное состязание с выигранными и проигранными периодами.

Женский состав компании не поддерживал с Алисой никаких отношений, но многие ей завидовали.

Когда наступило время выбирать, с кем ехать в Майами на конференцию, Алиса рассказала всю историю мужу и спросила его совета. Муж даже не возмутился для приличия, а выехал из квартиры в неизвестном направлении.

Ей тоже пришлось поменять работу...

Асунта позвонила как-то и сказала, что она уезжает жить на юг, что все сложилось так неожиданно, что она напишет все подробно в письме и пригласит к себе в гости сразу, как устроится.

В то время Алисе было не до подружки: новая работа и необычность обстоятельств дома занимали все ее внимание.

Письмо от Асунты пришло через год. Подруга писала, что они купили какой-то заброшенный дом с участком в 40 милях от Ричмонда с дивным озером в полутропическом лесу. Бытовые подробности, однако, много не описывались – Асунта даже не написала, с кем она живет. Зато подробно изложила о роде своих занятий. Они перекупили чистокровную линию у местного бридера и с нетерпением ждали своего первого Вестминстерского щенячьего ринга. Алиса тогда мало что поняла из написанного – главное, что подруга не пропала и здорова.

Потом приходили открытки на Новый год и 8 Марта...

Тем временем завечерело и захотелось есть, но не хотелось готовить.

Алиса неуверенно открыла холодильник в безотчетной надежде увидеть в нем хоть что-нибудь не опостылевшее. В ее холодильнике все бесконечно надоело, и никакие ухищрения с покупками полуфабрикатов из новых мест или готовка по новым рецептам никак не помогали. Алиса съедала все без аппетита, должно быть, из боязни умереть от голода во сне. Так случилось и сейчас: кубики кускуса с коричневыми пастилками тушеного тофу были разогреты в микроволновой печи и теперь медленно запивались теплым и пахучим, как южная любовь, соком манго. Алиса жалела себя в такие минуты, и только думы про детей и взрослых из стран третьего мира заставляли ее глотать. Сегодня, правда, было немного легче – она размышляла о предстоящей поездке: кого назначить дежурным по квартире и животным, а кого взять с собой. Мысль про Сергея как неподходящего кандидата для поездки не умерла в одночасье, а мутировала полудюжиной других имен.

Расставшись с мужем, она так и не стала одинокой. Слух о ее немедленной вакантности прокатился со скоростью цунами.

Первым вестником был еврей Матвей из 3-й парадной. Между ними было собачно-шапочное знакомство и раньше, но дальше весенней чумки и Юканубы классик разговоры не заходили, а тут вот раздался звонок в дверь, и она получила официальное приглашение пойти с собаками к океану. Алиса подумала тогда, что до океана ее собака может просто не дойти, но предложение приняла.

Матвей жил один с доберманом-пинчером, которого завел через несколько месяцев после ухода от него жены, и сам шутил на эту тему – мол, собака ему по характеру очень напоминает ушедшую жену, но значительно меньше ест, чистоплотна и не говорит часами по телефону. Матвей линчевал себя подобными шутками в кругу собачников, и все они невесело смеялись.

С Алисой он так не шутил, а завел с ней разговор о ее бывшей среде обитания – об эстрадах русских кабачков. Она слушала его с недоверием – ждала розыгрыша, но он был серьезен. Через пару недель он пригласил ее поплавать в местный спортклуб и на шашлыки в «Обжору» под новым менеджментом на Кингс Хайвэй.

Они проводили вместе время, но оба понимали, что хотели бы видеть и чувствовать от партнера больше и нечто иное. Алису в определенной степени такие отношения устраивали: Матвей был рослым, интересным мужчиной с грустной улыбкой на рисованных семитских губах. Одно его присутствие рядом делало ее жизнь значительно легче.

Иногда после нескольких стаканов вина они миловались, но в голове ее звучал голос популярного в тот год поэта: «Любимая, да так целуют знамя...».

Иногда милования переходили в субботники на Матвеевой территории. Алиса приносила свою собаку, коробку любимых конфет и носки для сна. Все остальное было Матвеево.

Он старался быть хорошим хозяином: строгал сыры и колбасы на закуску и готовил одноблюдные экзотические обеды. Потом они открывали вторую бутылку вина и усаживались тесно перед видеоплеером смотреть свеженькое кинишко. Их сближало то, что оба были интерактивными зрителями – все обсуждалось по ходу дела и комментировалось довольно ядовито. Алиса однажды поймала себя на мысли, что такой ядовитой сучкой она не была с девятого класса. Должно быть, не перед кем было выпендриваться во весь рост для достойной оценки, а Матвей, случалось, звучал записным злодеем. Благодаря комментариям со всех фильмов снималась стружка, и все они превращались в лирические комедии.

Если вино в бутылке кончалось раньше фильма, то они, не сговариваясь, начинали раздеваться и выключали звук. Матвеева собака признала в Алисе достойную женщину с самого начала, но все равно с подозрением следила, когда та выкидывала из постели хозяина предметы своего туалета – должно быть, волновалась за хозяина. Поскольку между ними не было всеограшающей страсти, любовный процесс скорее выглядел ритуалом, начинавшимся с массажа ладоней. Ах, как Алисе бывало хорошо! Матвей сопровождал массаж рассказами. Иногда он мурлыкал что-нибудь из оперетты и никогда не останавливался сам. Когда Алиса оказывалась готовой к следующей сцене, она ловко затягивала его под одеяло и выбирала подходящий по настроению приемчик или позицию.

После близости бывало, что им не спалось, тогда они откручивали киношку назад и включали звук.

Субботнее утро начиналось для Алисы раньше, чем дома, – большая собака не могла терпеть и тяжело вздыхала, напоминая о своих физиологических нуждах. Матвей поднимался на автопилоте и шел раздетым к стенной вешалке, на которой одиноко болтался комбинезон с рукавами. Алиса меряла комбинезон однажды, и внутри его ей чувствовалось совсем по-сиротски. Такак же все выглядело снаружи. Она подозревала, что когда-то в этом комбинезоне даже путешествовали в холодных точках планеты.

Ее собака была поздней пташкой и никуда не хотела вылезать из своего корытца. Пока Матвей ходил с собакой, Алиса вставала и делала кофе. Она обычно загадывала о наличии необходимых продуктов для завтрака в холодильнике – там всегда все было. Совсем не как у нее дома. Они завтракали и болтали о чем-нибудь неважном. Потом наступал момент, предвещающий расставание. Каждый из них его тревожно ждал, но они не притворялись, что хотели бы провести весь день вместе, а любили друг друга за такую прямоту.

Через пару дней вечером он приглашал ее на прогулку к океану, а потом напоминал, что пришли билеты на бродвейское шоу на такое-то число – чтобы она держала тот вечер свободным.

Иногда они вместе обедали японским такеаутом на неделе, иногда они не общались дольше десяти дней.

Алиса запретила себе анализировать свои отношения с мужчинами после истории с лимо – братьями и уходом мужа. Она понимала, что не сможет найти для себя однозначного ответа, чего именно она бы хотела, но знала наверняка, что не хочет одноличного постоянного партнерства.

Алисе было хорошо не только с Матвеем и интересно настолько, что она не устанавливала себе никаких барьеров. Она чувствовала себя свободной и не считала эту свободу формой разврата или похоти, как это выглядело в глазах общественной морали. Ведь в действительности секса ей хотелось всего 3–4 раза в месяц, а в остальные дни секс был побочным явлением, иногда приятным, но тут, правда, многое зависело от партнеров. Ей хотелось большего – соития.

У нее был приятель, с которым она иногда обсуждала свою жизнь. Они познакомились в очереди за соком, срок безопасного употребления которого был просрочен и магазины продавали его за треть цены желающим. На русском Брайтоне желающих всегда было достаточно. Люди в очереди демонстративно заявляли, что берут этот сок для приготовления маринадов или в крайнем случае для производства самогона.

Тогда Денис – так звали приятеля – довольно бесцеремонно спросил Алису, что она будет делать с этим соком.

Она с серьезным лицом ответила, что сок этот – прекрасное натуральное слабительное средство, а у нее последнее время «крутой желудок».

Какой-то дядька из очереди заржал от такого заявления.

Алиса в свой черед спросила незнакомца о цели его покупки. Он ответил, что устраивает коктейль-пати в стане врагов.

Денис был необычным человеком даже по Алисиным понятиям.

Прямо с момента их знакомства она почувствовала к нему звериный магнетизм – примерно, как у зайца к питону. Он, впрочем, не был агрессивным или явно настроенным сблизиться в отношениях с ней дальше определенной черты. Алису-зайца это вполне устраивало: он рассказывал ей о своей жизни и работе и с интересом слушал ее истории. В том числе про ее отношения с мужчинами. А однажды предложил написать сценарий к софту порно под рабочим названием «5 любовей Алисы Семипаловой».

Она рассказывала про четырех своих больше-чем-приятелей. Пятым бы он назначил самого себя.

Про Дениса она старалась не думать. Это, однако, не помешало им провести неделю в Испании. Вот как это случилось. Одним жарким днем в конце августа прошлого года, когда в воздухе витал силуэт приходящей осени и становилось грустно, Денис позвонил ей так рано, как если бы они собирались на рыбалку, и спросил ее, может ли она выручить его, не зная условий задачи.

Алиса, возможно, что и спросонья, а возможно, что и нет, ответила, что выручила бы.

Денис, не ожидая иного ответа, просто сказал, что он на 101 процент был уверен в ней и что она награждается поездкой в Испанию. Однако сразу предупредил, что ехать надо через 4

дня, за которые ей надо найти, с кем ехать. Алиса отвечала сразу, что поехать сможет только с ним – это было ее единственное условие. После этого было напряженное молчание, а потом нервный смех на обоих концах телефона.

Они едва не опоздали на рейс: Денис заехал за ней по дороге в аэропорт чуть раньше, чем надо бы. Алиса как раз в это время наводила последний марафет, стоя в легкомысленном халатике пред запотевшим зеркалом. Они помнили про время и поэтому бросились во взаимные объятия, чтобы его сэкономить...

Про Испанию Алиса вспоминала в основном через небо: как увидит высокое небо с перистыми облаками, сразу подумает: как в Кордобе, если темные тучи – как в Малаге, а если голубое, как отмывка, то Коста дель Сол. В Испании они любились часто под открытым небом и вспоминали об этом потом, вернувшись в город. И любились в городе от приятных воспоминаний.

Итак, Алиса сидела на кухне и ничего не хотела есть из своего холодильника. Размышления об отъезде немного притупили обычное чувство после рабочего голода, но не надолго. Она встала во весь рост перед зеркальной дверью и посмотрела скептически на свое отражение; поджала живот, но настроение не изменилось в лучшую сторону. Однако себе она сказала, что вместо ужина сегодня будет заплыв, но не просто, а после забега.

Алиса любила плавать в различных акваториях, предпочитала, конечно, открытые с бирюзовым оттенком, но не брезговала и бассейнами. Она понимала, что медленное плавание от стенки к стенке – своего рода самообман, что если и появится от этого стройность линий фигуры, то скорее, как у кита или в лучшем случае морского котика, однако все равно плавала свои 36 бассейнов потом немилосердно парилась. Парилка в клубе была не настоящая, а так себе – сауна. Там все сидели вместе, но не компанейски по-банному, когда разговор между приятелями не прекращается, а скорее, как в вытрезвителе или больнице, куда люди попадают из разных мест поневоле.

В понедельник лучше всего плавалось в малиновом с черными полосками купальнике. Он хорошо подчеркивал траурное настроение начала недели и придерживал на разворотах чуть тесноватыми лямками в плечах. А для забега Алиса выбрала очередную застиранную футболку с надписью «no rain – no gain», двойные черные с желтым тайтсы и шорты.

Есть уже совсем не хотелось. Алиса решила никого не оповещать, что идет в зал, чтобы иметь возможность не просто бездумно болтать невзвест о чем, а подумать при равномерном прямолинейном движении о предстоящей поездке.

Вообще-то Алиса не любила никаких физических упражнений с самого детства, потому что считала, что гармонически живущий человек просто обязан заниматься физическим трудом, который поможет держать в необходимом тоне все его группы мышц.

Так было когда-то. Совсем недавно она видела черно-белые кадры из хроники, где мужичок с окладистой бородкой и в рубахе навывпуск заливчато колот дрова. Похож он был на дворника, но оказался русским царем Николаем II. Еще Алиса помнила про полотерство – была когда-то такая бросовая подработка: натирать паркет воском до блеска. Она знала одного мальчика в далеком прошлом, который через такое натирание стал конькобежцем международной величины.

Профессиональный спорт – это другое дело. Когда альпийские стрелки неслись на лыжах с крутых гор в чей-то тыл, все было профессионально оправдано. То же самое и с велосипедными подразделениями. Просто современная жизнь загнала большинство людей в тупик, лишив их возможности натурально убежать от разъяренных диких зверей, переплывать реки и озера или перепрыгивать расщелины. Теперь все было иначе: большинство животных, представляющих опасность для человека, были записаны в Красную книгу, физическую работу выполняли бытовые механизмы или прислуга из стран третьего мира, а простым людям приходилось проводить долгие часы на разного рода механизмах, которые имитировали сопротивление

ние различным группам мышц. Чтобы люди не так скучали, когда занимались этим, им разрешили надевать различного рода одежды, которые подчеркивали, кому и что надо, смотреть по ходу дела телевизор или просто заниматься флиртом независимо от сексуальной ориентации.

К Алисе тоже не однажды подкатывались накачанные красавчики, но, кроме бесполезного поедания ее взглядами, дело не двигалось, потому что за их внешней привлекательностью стояла явная умственная недостаточность. Алиса поделилась как-то этим ценным наблюдением с Денисом. Он сразу перевел все это в ян/инь-координаты и заключил, что рожденный ползать-летать не может.

Иногда внешне привлекательным людям противоположных полов везло. Во всяком случае, им так казалось какое-то время, но связь между ними и Алисой бывала недолгой. Подобного характера мысли посещали Алису каждый раз, когда она заходила в здание клуба. Среди посетителей было много и таких, как она, не любящих спорт, но тем не менее посвящающих свое свободное время нелюбимым занятиям добровольно ради великой кардиоваскулярной цели. И стройности.

Для понедельника место было довольно занято. Несмотря на настенные печатные запрещения крепких парфюмерных запахов, ругательств и выделения нечленораздельных звуков, сопровождающих поднятия весов, в зале пахло букетом из дорогих духов и пота.

Алиса полюбила этот запах со второго раза. Он напоминал ей работу в ресторанах и поднимал настроение.

Пока ее любимый тренажер в углу у зеркальной стены был занят молодым парнем, бегущим со скоростью курьерского поезда, она решила позаниматься своими руками. Мысль о том, что через несколько дней ей придется быть в купальном костюме в компании мужчин подтолкнула ее к пирамидке с гантелями. Алиса выбрала парочку ярко-голубых, но не слишком легких, прочитала в зеркальном отражении своей футболки мудрость бодибилдеров и приступила к упражнению. Она расположилась с таким расчетом, чтобы даже если кто-нибудь из знакомых и будет в зале, то ее не заметил.

Наконец-то ее тренажер освободился – парень-локомотив, не снижая скорости, пересел на гребную машину и задвигал рычагами, как профессиональный загребной. «На суше и на море», – подумала про него Алиса с завистью и поспешила занять тренажер.

Все было готово к восхождению: циферблаты еще не пройденных расстояний и не потерянных калорий подмигивали зеленым и красным. Контрольный ноль пульсировал в ожидании нажатия на кнопку «старт».

Маленький дирижер в Алисиной голове постучал своей палочкой по пюпитру, и ненавидимая увертюра к опере «Руслан и Людмила» сорвалась, как с цепи свора гончих собак. Алиса не любила увертюру, но какие-то скрытые силы внутри ее сознания запараллелили нелюбимую музыку с нелюбимыми ходьбой и бегом. Она видела прямую связь в противоборстве этих двух явлений ее бытию: аккорды гремели в висках, и лента тренажера быстро скользила под ногами, стремясь вывести ее из равновесия и уронить, заставить сдаться и не потерять обещанных калорий. Через пару минут, когда аккорды поутихли и зазвучал лейтмотив Людмилы, Алиса поймала дыхание. По телевизору показывали видео с Гвен Стефани. Алиса подумала: «Как хорошо, что я не блондинка и уже не пою. Интересно было бы ее послушать без сопровождения. С такой внешностью голос совсем не важен. С такими ногами...» Она поймала себя на мысли, что думает не о том, о чем хотела. Поездка к Асунте была на повестке дня. Матвей и Денис проплыли в Алисином сознании, как пока неутвержденные кандидаты в попутчики, но мысль стремилась дальше. «А что если взять Самца», – вспыхнуло аварийной лампочкой в ее заглазье. Кровь прихлынула к вискам, несмотря на плавность мелодии.

Они с Самцом видели друг друга несколько раз на протяжении пары лет, но были незнакомы и даже не улыбались друг другу при встречах. Он тогда еще не был Самцом в ее сознании. Алиса и не обратила бы на него внимания в первый раз, если бы не особые обстоятельства.

Она тогда еще пела в кабаке. Как-то раз, когда они с Асунтой собирались выходить на сцену после второго перерыва, а музыканты уже сидели на местах, на сцену с площадки запрыгнул парень, достал из кармана червонец и протянул его гитаристу...

Боковым зрением Алиса отметила: 10 минут – 90 калорий и мысленно улыбнулась себе. Рубеж был пересечен, следующие 10 минут будут легче. Знакомых в зале не было видно, и мысль вернулась к первой встрече с Самцом...

Гитарист не привык, чтобы ему просто так давали червонцы, и дал гитару парню. Тот подошел к краю сцены и запел песню, обращаясь взглядом к девушке с фужером. Алиса не слышала той песни раньше, но запомнила несколько слов из припева: «Ты моя эрогенная зона...»

Он бывал в ресторане, где она работала тогда, еще пару раз, но больше не пел. Однажды они оказались в одной компании, и их наконец-то познакомили. Дело было поздним вечером, подруга притащила ее на русскую тусовку в центровое место на Манхэттене с диджеями Пушкиным и Версачи. Он не был пьяным, но Алиса узнала об этом позже, когда они остались одни. А во время знакомства Макс, так его звали, дурачился по-всякому. Ему не стоялось на месте – он все время пританцовывал, как будто его беспокоили швы в критических местах. Алиса тогда нашла это необыкновенно смешным. Макс сказал, что знает, как она поет, но сам, к сожалению, только танцует. Прикинут Макс был тоже необычно – какой-то светлый не то плащ, не то сюртук поверх однотонной канареечной косоворотки из шелка. Она еще подумала тогда, что он пританцовывает кадриль – разновидность народного послемаевочного танца прошлого века...

Макс взял Алису за руку, и тут началось абсолютное веселье: она поняла, что уже танцует с ним его кадриль. Музыка была какая-то ретро, и такты совпадали с танцем. Потом они танцевали быстрые и медленные танцы и в конце концов оказались одни, бредущими по Парк Авеню в северном направлении. Алиса думала, что они дойдут до Центрального вокзала, а там она нырнет в метро, но Макс остановил такси и что-то невнятное бросил шоферу. Она не успела ни понять, ни переспросить – они стали целоваться. У Алисы не было сил, желания или того и другого, чтобы противостоять ему.

От Максима пахло какой-то немислимой мужской благодатью – должно быть, достижением современной фармакологии. Алиса даже собиралась спросить название, но так и не смогла...

Они приехали в Ист Вилледж и через пару минут оказались у него в квартире. Макс ничего не говорил по ходу дела, просто молчал и улыбался. В его комнате, не включая света, они опустились на что-то низкое и булькающее. В квартире пахло китайской кухней, и через стекло на стены выскакивали блики световой рекламы. Алиса предвкушала, что будет дальше, но Макс дальше не спешил.

Она подумала тогда: «Какой странный молодой человек, никогда ему этого не прощу...»

Он закурил сигарету и предложил другую ей. Потом сказал, что из чая у него есть только жасминовый, а из еды – только овсяные хлопья с изюмом...

Тренажер пропищал, что время забега истекло. Алиса с гордостью отметила, как пятнами потемнела ее футболка.

В ту их первую ночь она так и не узнала, что он самец. Зато узнала про него много другого. С ним что-то произошло – он говорил почти безостановочно. Они выпили весь его чай, и в конце концов он отвез ее в Бруклин...

В бассейне Алиса оказалась через несколько минут. Она выбрала для себя дорожку с одиноким старичком, который все еще надеялся восстановиться от частичного паралича и плавал для этого, как морж в зоопарке, долгими часами, а потом стучал зубами в сауне.

Отлично – знакомых и здесь не было. Жалко конечно, что траурный купальный костюм не будет замечен, но это ведь не последний понедельник.

Первые 250 ярдов Алиса проплыла на одном дыхании, но руки стали тяжелыми – как не свои, и захотелось спать.

...На следующий день вечером Макс сидел на не слишком чистых ступеньках около ее квартиры, когда она возвращалась с работы.

Ей некогда было размышлять, как поступить или что сказать, – он властно взял мешок с продуктами и отработанно-нежно ткнулся губами чуть ниже мочки уха – в шею. Зайдя в квартиру, Алиса сказала, что за ней должны скоро прийти, но сказала, наверное, не слишком уверенно, потому что его это не остановило. Он помог ей с плащом и, не меняя темпа, взялся за пуговицы ее платья. Из услышанного вчера Алиса поняла, что Макс танцует не только для удовольствия, но и за деньги, и вовсе не танцы народов мира. Она остановила его руку и предложила для начала закусить, потому что была голодна. Но в предчувствии неминуемого кусок не лез Алисе в горло. Такое случалось нечасто. Макс тогда от еды отказался, а ел только йогурт из большого пластмассового контейнера. Алиса не останавливала его, хотя и подумала об этом в первую секунду. Чтобы хоть как-то разрядить напряжение, она спросила его о работе.

Такой вопрос, видимо, его удивил настолько, что йогурт был отставлен в сторону и Макс затравленно спросил: «Кто тебе донес про мою работу? Так ли тебе это важно?»

Алиса смутилась своей интуитивности – не в бровь, а в глаз, – но виду не подала, что имела в виду что-то конкретное. Она положила свою ладошку на его большую, все еще сжимающую белую пластмассовую ложечку руку и доверительно спросила: «Ты безработный?»

Что случилось дальше, Алиса не помнила точно: в ее памяти все выглядело довольно отрывочно и мелькало, как в черно-белом любительском порно, где все двигаются быстрее, чем в реальной жизни. Еще она называла это «эффектом четвертого измерения».

Алиса помнит, как две мускулистые руки перекинулись через кухонный стол и синхронно взяли ее под мышки. Она не испугалась высоты, но на всякий случай закрыла глаза. Как раз с этого момента и начиналось мелькание: мужчина, похожий на спиленное в неправильном месте дерево, двигался с нею на руках и заглядывал за каждую дверь в коридоре. Она понимала, что он ищет, но совета дать не могла.

Когда правильная комната была найдена, человек-дерево внес ее туда, но на лежачее место не положил, нет, он бережно-бережно раздел ее на весу, как заснувшего на руках ребенка. Это требовало определенного умения и опыта. Алиса подумала тогда, что это похоже на отделение белка от желтка: меренги – одним, гоголь-моголь – другим.

Потом были многорукие касания и поцелуи. Она сочно вонзилась в него зубами и почувствовала солоноватый от крови абрикосовый вкус йогурта...

Потом она оказалась наверху и никуда особенно не торопилась, а была осторожна, как грибник на минном поле.

Он был велик. Наверняка коллекционного достоинства и мог бы быть в книге Гиннеса, если бы туда уместился...

Еще Алиса подумала, что быть с таким мужчиной – это уже навык сам по себе и получать от него удовольствие значит владеть этим навыком. Этому надо учиться... Они лежали вполоборота друг к другу на узеньком диванчике, молчанием сохраняя равновесие своих тел. Когда Макс заговорил, то Алиса подумала, что голос приходит из соседней квартиры, но заметила, что его губы открываются синхронно со звуком, и заключила, что была права. Со временем в

словах появился смысл. Ее и это вполне устроило – ведь необязательно смотреть кино с самого начала.

Из рассказа она поняла, что когда-то он был мастером спорта по спортивным танцам на льду. В ту пору выехать за границу было не так просто, но ему помогли в федерации – нашли девчурочку-партнершу, чей папаша вершил судьбы, а сама она весила 47 килограммов. Им поставили такую хореографию, что ей и коньки можно было не надевать: он все ее возил на руках да подкидывал к потолкам спортивных арен. Они плотно занимали вторые и третьи места на многих денежных состязаниях, пока его не обвинили в педофилии. Партнерше хоть и было шестнадцать лет, но выглядела она на двенадцать: ни сисек, ни попки. У него, конечно, ничего с ней не было, но их все равно дисквалифицировали как пару. Возвращаться домой на Украину они не хотели и устроились дорабатывать сезон в какое-то ледяное шоу. Но на очень странных условиях: он будет делать номер с другой и не только, а девчурку сделают льдинкой-снежинкой...

Алиса бесцеремонно рассматривала его лицо: телячьи глаза с ресницами, могучий, как мичуринская картофелина, подбородок, перебитый в нескольких местах нос и ямочки на щеках. В непосредственной близости нельзя было сказать, что он красив, потому что лицо было необъятно. Макс понял, что Алиса занята иным, и замолчал. Она накрыла ладонью его глаз и спросила:

– Какой размер шапок ты носишь? Тебе бы пиратом устроиться к Джонни Деппу. Я просто вижу тебя оскаленного в набедренной повязке по сезону. И меня бы пристроил маркитанткой или подносчицей фитилей. Чем кончилось ледовое побоище?

Макс продолжал:

– Новая партнерша была на 20 лет старше и на 10 кило тяжелее. Мы с ней работали антрепризу двух сексуально озабоченных клоунов, которые высматривают среди публики хорошеньких девушек, а сами в это время довольно провокационно трогают одну другую. Дело было в Германии, там такое в почете, и никаких полиций нравов. После номера бежали к ней в уборную для логического завершения. Директору труппы это не понравилось, и меня уволили.

– А что случилось с льдинкой-снежинкой?

– Она сошлась с троллем-лесбиянкой. Потом они вместе укатили в Сочи.

Вода в бассейне была теплее, чем обычно. Не иначе, кто-то пожаловался.

Циферблат на Алисиной руке показывал 34, и она предчувствовала, как будет блаженствовать на верхней полке в сауне.

Когда выходила из бассейна, навстречу попался Матвей. Он тронул ее за мокрое плечо и спросил:

– Как дела?

– На ловца и зверь бежит! Как хорошо, что я тебя встретила. Мне надо с тобой поговорить. У меня неприятности, я должна уехать из города на неделю. За животными моими не мог бы присмотреть? – выпалила одной строкой Алиса, чтобы не быть перебитой или неправильно понятой. Матвей ничего конкретного не ответил, просто предложил поговорить после.

В сауне никого не было. Алиса по-хозяйски подняла температуру, подкинула воды с эссенцией алоэ на камни и спирали.

Зашипело запрещенным и душистым.

«Запретный плод всегда сладок. Ну что может быть такого уж плохого в запахе растительного происхождения. Это ведь как ингаляция», – подумала Алиса, растягиваясь на лавке.

Не успела она прикрыть глаза, как история их отношений с Самцом вновь замелькала в ее памяти.

Итак, у него не было постоянной работы. Однажды он тренировал детишек в одной сердобольной русской семье за бесплатное жилье...

Полежали они тогда в молчаливом равновесии на узеньком ее диванчике почти до полного онемения. За Алисой никто не заходил.

Она надеялась, что Макс встанет во весь рост еще до полных сумерек – уж больно ей хотелось посмотреть на него в непринужденной обстановке.

В конце концов он встал. Она была удивлена, что не так уж сильно смутилась от его наготы. Он вел себя естественно. Было件нятно, что бывать обнаженным ему приходится довольно часто.

Макс выглядел античным героем, за исключением одного места: героические пипочки выглядели бы, как детские свистульки по сравнению с его полноразмерным кларнетом.

На нем не было цветowych границ. Все тело было однородно-бежевого цвета, включая детородный орган.

Во время поисков своих сигарет он продолжал ей рассказывать, как попал из инструкторов фигурного катания в группу ритуального танца в черном Гарлеме.

Заметив, что он ни капли не смущен, Алиса просто поела его глазами и засмеялась не к месту, оттого что нашла его член похожим по форме на бутылку из-под подсолнечного масла советского образца.

Макс поймал ее взгляд и, как ни в чем не бывало, продолжал, что именно благодаря своему органу он и был принят в труппу танцоров. Они исполняли ритуальные африканские танцы для женской публики в закрытых клубах. Единственным нарядом был замшевый носок, надетый на орган. Публика платила немалые деньги за представление и дополнительные чаевые за индивидуальные контакты.

Алиса сидела замороженная рассказом, а Макс по-хозяйски стоял у открытой форточки и курил.

Тогда то и возникла кличка «Самец».

Ей было интересно с ним, как в зоопарке или скорее как в цирке, куда приходишь посмотреть на дрессированных диких зверей, повосхищаться ими, но никогда не подумаешь взять их с собой домой для совместной последующей жизни: слишком много от них хлопот, вони и непредсказуемых неудобств. Пусть они живут, где живут, а люди будут приходить к ним в гости. Возможно, что и неоднократно.

Такие отношения у нее сложились с Самцом.

Она, правда, не смела звонить ему сама, но себя навещать разрешала. На его счет у Алисы не было угрызений совести и вовсе, а акты любви с ним она причисляла к опасным видам спорта, как затяжные прыжки с парашютом или гигантский слалом.

Для поездки к Асунте Самец явно не годился: ему может стать скучно от непривычного однообразия, он начнет искать развлечений и все испортит...

Прохладное прикосновение к коленке вернуло Алису к действительности. Над ней склонился Матвей. Сквозь сощуренные ресницы она в который раз смотрела на его поджарое мускулистое тело, и мысль про мальчика из соседской квартиры замигала в ее сознании.

«Если растут усы, еще не значит, что потеряно чувство ответственности. Парень живет с обоими родителями и должен быть вменяемым...»

Матвей смахнул ручеек пота с Алисиного лба и многозначительно сказал:

– Худеешь? Неприятности всегда легче переносить в лучшей физической форме. Ты далеко собралась ехать?

Алиса думала, что, пригласив с собой Матвея, она создаст только больше препятствий на пути к Асунте: кому-то нужно будет следить не только за ее животными, но и за его сучкой тоже. Хотя Матвей был очень мобильным со своей собакой – они всюду ездили вместе. Как с женой.

Матвей ждал ее ответа. Алиса села на лавку, не обращая внимания на то, что полотенце сползло с одной груди, и рассказала про звонок Асунты.

Матвей сказал, что не уверен, что сам останется в городе, и ничего пообещать не может. «Придется звонить Сергею. Он не откажет и заодно перемоеет всю посуду, зеркала и окна. Хорошо все-таки, что жизнь в семье учит мужчин хотя бы этому. Правда, это может усложнить дальнейшие отношения – он может подумать, что такая услуга с его стороны должна быть отмечена не просто словами благодарности...»

До дома они доехали в Матвеевой машине очень быстро. Алиса сказала, что ей надо еще собираться, и заспешила домой.

Матвей взял ее за руку и спросил почти с дрожью в голосе:

– Ты едешь не одна?

Она едва не ответила: «Не одна – с тобой», но прикусила язык на секунду, потом произнесла:

– Не знаю еще. Я тебе вечером перезвоню. Ну все.

Пока.

Все повторилось, как несколько часов назад: ключ не желал лезть в замок, в квартире, отзвонив, телефон принимал короткое сообщение, но на этот раз от Бертольда, любовника с переменным успехом номер четыре».

Алиса стояла на пороге квартиры с розовым рюкзачком в руках. Из него торчал уголок бордово-черного купальника. Бертольд сообщал ей, что он совсем недалеко географически, что время около 10 вечера в понедельник, он не понимает, где она безумствует в начале недели, но хочет зай... .

На этом месте автоответчик отключился. Алиса поняла, каких букв не хватало в последнем слове. У нее был Бертольдов номер телефона, но она не позвонила, а загадала, что позвонить должен будет опять он. Прополоскав и развесив мокрые вещи, Алиса включила телевизионное изображение на канале MTV и стала собираться к поездке.

Ричмонд находится на юге, а это значит, что нужно брать с собой только летнюю одежду, но побольше единиц, потому что придется потеть.

От такой перспективы Алиса немного пригорюнилась – ходить все время со влажным лбом, как чахоточной, она не очень-то хотела. Но с другой стороны – лесное озеро принесет прохладу.

Вещей набралось немало. Теперь надо было найти подходящее вместилище для всего этого. Если задуматься, то багаж может быть по важности не ниже самой поездки. Понятное дело, что когда ты путешествуешь ночным автобусом, то не так важно, какого фасона у тебя сумка. Брать с собой чемодан в такую поездку «противозаконно». Да и с сумкой не все так просто, как кажется: кожаную брать не стоит, потому что подумают, что связана либо с мафией, либо с порнобизнесом. Откровенно спортивную брать не стоит, потому что будет выглядеть с ней, как неимущая и уже безразличная на этот счет персона – забрала сумку у мужа или сына, и тем теперь в спортзал не с чем ходить.

К счастью, в эту минуту раздался телефонный звонок, которого она опасалась и ждала в одно и то же время. Голос Бертольда звучал так, как будто они расстались полчаса назад – безмятежно-расслабленно. Он относился к той категории людей, которые принимали решение не только за себя, но и за других, часто без других на то согласия. Вот и сейчас он приличия ради спросил: «Как дела? Если ты одна, то я поднимаюсь – я звоню из парадной...»

Алиса не любила такую манеру ведения разговора, но не находила это достаточно веской причиной, чтобы сказать об этом Бертольду в очной беседе. Она, как всегда, промолчала по теме, но решила отыграться на свой лад: «Ноги вытри в парадном и в квартире обувь сними – я полы намыла. Дверь открыта. Я в туалете».

И побыстрее повесила трубку, чтобы не разразиться смехом.

Алиса любила розыгрыши, но ее окружение и возраст наступали на горло и этой песне. Однако с Бертольдом она себе разрешала расслабиться, особенно после потери очка, как слу-

чилось только что. Динамика их отношений была иррациональной от начала до конца: каждый из них оставался при своем мнении при любых разборках. Они не соглашались даже по поводу третьих лиц. Бертольд, несомненно, был фигурой. Они познакомились, так сказать, в рабочей обстановке. Бертольд был представителем многих компаний, которые продавали или давали в ренту медицинское оборудование. В далеком прошлом он был изобретателем-неудачником. Неудачником в том смысле, что его изобретения если и были внедрены, то приносили доходы не в его карман. Сертификатами от его патентов можно было обклеить пару комнат, но что толку-то. Однако с тех пор Бертольд значительно поумнел. В Штатах он изобретениями не занимался. Первую работу ему найти было тоже непросто: работодатели говорили ему, что у него слишком высокая квалификация для самого сложного, что могло бы выйти из строя на их предприятиях. В конце концов он устроился работать мастером по гарантийному ремонту в большую компанию, которая производила принтеры и другое офисное оборудование. У него были определенные сложности с языком, но умелые руки и здесь выручали его.

После двух лет работы, когда он разобрался, что ему недоплачивают примерно половину того, что он стоит, Бертольд решил уволиться и даже написал заявление. Через два дня его пригласили в офис какого-то директора такой величины, что он и на работе-то бывал наездами, и после нескольких минут переговоров увеличили вдвое его жалование.

Но и этого Бертольду было мало. Он решил, что может заключать договора с различными компаниями на продажу и гарантийный ремонт их продукции, как независимый консультант. Ему платили зарплату за ремонты и комиссионные за продажу. Достигнув определенного потолка, он загрустил и стал искать что-то иное.

Обо всем этом Алиса узнала в период его ухаживания за ней. Он не таскал ее на дискотеки или бродвейские шоу, не водил гулять безлунными ночами по опасным паркам, а солидно сидел с нею в ресторанах, куда запись была за месяцы вперед. Ел там и пил. Его истории были похожи на старинный фильм «Седьмое приключение Синдбада»: они не повторялись, но выглядели одинаково, как лепестки ромашки.

Серьезность отношения к ней в отличие от других измерялась исключительно подношениями. Судя по ним, можно было подумать одно из трех или все три вместе: или он так богат и это всего лишь знак его внимания, или он так глуп и не понимает, что за такую стекляшку ему будет заглядывать в рот настоящая королева в изгнании, или все это ему надо для себя и поддержания статуса в собственных глазах.

У него была семья в Нью Джерси но в городе была его клиентура, поэтому он и приезжал сюда. Однажды Бертольд сказал Алисе, что не только поэтому.

Они сидели на светлой в любое время дня и ночи кухне и не спеша поедали вкусности южно-русской кухни. Бертольд не умел подолгу молчать, как другие мужчины, – он становился беспокойным. Алиса знала про его эту черту и старалась быть хорошей хозяйкой и поддерживать разговор. Иногда она опускалась до того, что они говорили на «производственные» темы. Бертольд должен был ремонтировать что-то гарантийное у нее в офисе.

Она помнит, как познакомилась с ним именно таким образом: однажды она заканчивала работу довольно поздно и обнаружила, что в офисе она вовсе не одна, а с каким-то раздетым до майки мужчиной. На голове у него была какая-то медицинская шапка с увеличительными зеркалами, как у офтальмолога, а в руках какой-то шуп-отвертка с подсветкой.

Алиса спросила его тогда, как долго он собирается еще работать.

Он сказал, что может закончить через пять минут при условии, что она разделит с ним ужин. Уйти она все равно никуда не могла, и минут было не пять, а двадцать пять.

Они ужинали до глубокой ночи и сдружились настолько, что так в тот раз и не расстались.

Бертольд довольно часто звонил ей, а когда бывал в Нью-Йорке – обязательно устраивал ей «больничный день» с посещением мест, куда самой ей было бы не попасть – начиная от

магазинов и кончая модными премьерями. Она думала, что если бы перерывы между их встречами были короче, она бы могла привязаться к нему одному и серьезно.

Он делал ей дорогие по любым стандартам подарки и в шутку называл их наборами: к каждой одежке прилагалось что-нибудь драгоценное. У нее собралась приличная коллекция такого добра, но на это она обращала внимания меньше, чем другие женщины.

Вот и сегодня Бертольд в середине их ужина спохватился и сказал: «Чуть не забыл!» – и достал из кармана черный бархатный кубик-коробочку. Именно такую коробочку Алиса боялась увидеть. Она знала, что ее содержимое может все между ними разрушить.

«Фу, пронесло», – екнуло у нее в голове, когда Бертольд достал из футлярчика белый перстенок в блесках с желтым камнем и сказал, что сегодня у них годовщина. Правда, не сказал чего. Алиса знала, что он говорит так специально, чтобы не смущать их обоих беспричинными подарками. По его понятиям, кроме основной причины должна быть и видимая.

Желтый камушек напомнил ей о новых желтеньких капри с пуговками, которые она почти позабыла отложить для поездки. Бертольд неуклюже заметил, что желтые камни были особенно модными в прошлом сезоне, но бриллиант он и в Африке бриллиант.

Алиса корила себя, но звонить Матвею и Сергею нужно было, несмотря ни на какие укоры. Телевизионные новости закончились, и началась дружелюбная словесная потасовка между телеведущими. Иногда Алиса думала, что вся суть их потасовок сводится к тому, чтобы показать миллионам зрителей, что телеведущие не роботы и ничто живое им не чуждо, и это были их звездные секунды – они не читали с листа и не смотрели на зеленую точку над камерой.

Бертольд поставил чайник на огонь и занимался теперь посудой. Алиса извинилась, что желудок ее совсем распоясался – наверное, теперь добавляют английскую соль в воду в бассейне, – и выпорхнула из комнаты.

Сергей, оказывается, ждал ее звонка последние четыре часа (плохой знак).

Она слушала его напористую речь о ее неповторимых качествах и тут же проверяла некоторые из них в зеркале над раковиной. Алиса знала, что лучше не перебивать и дать возможность излиться тому, что накопилось и ждало. Неожиданно он замолчал, и она сказала: «Сережа, у меня есть к тебе просьба... – похвалила себя, что не сказала «большая» и продолжила: – Мне надо уехать на несколько дней, так не мог бы ты пожить у меня и присмотреть за квартирой и животными?»

Он сразу же согласился и предложил встретиться прямо завтра вечером для передачи ключей.

С Матвеем все было гораздо сложнее: он не поднимал трубок. Алиса оставила ему как бы между прочим предложение поехать с ней, если он желает.

Возвращаясь в общество Бертольда, она резко почувствовала себя виноватой, но ничего не могла с этим поделать.

Они попили какого-то фруктового чаю в пакетиках, в которых кроме заварки были мед, лимон и какие-то «макроэлементы, которые не разрушаются от горячей воды и очень нужны современному человеку». Во время чаепития Бертольд вспоминал увиденного в новостях атлета-футболиста на искусственных ногах – свои тот потерял в Ираке.

Как обычно, он саркастически размечтался: нужно создать национальную сборную инвалидов, которая будет играть с другими инвалидными командами из инвалидной лиги. У них все будет свое, включая оркестр. Им, несомненно, будет дирижировать Юлий Долгорукий. А вдохновительницей и организатором будет разведенная жена Пола Маккартни.

Алиса слышала от Бертольда историю про Долгорукого. Тот приезжал в Штаты делать себе протезы вместо обеих рук, которые у него отрезало тросом в гамбургском порту. Долгорукий был музыкантом мирового класса, но, лишившись рук, потерял свой контракт и прилично мыкался долгое время, несмотря на скандальное паблисити.

Алиса никогда не знала, как правильно реагировать на подобные вещи, понимая, что на самом деле Бертольд этого вовсе не может хотеть, потому что он теплый и земной человек. Просто он выбрал для себя такую систему защиты от дикости современного мира. Она, конечно же, могла с ним не слишком уверенно согласиться или рьяно оспаривать его позицию, но ни то ни другое правильно не работало для нее самой. Поэтому она молчала, а Бертольд был волен думать, как ему удобно. Единственное, что она знала наверняка, было то, что, несмотря на все их споры и несогласия, он ее глубоко любил. Иначе зачем таскался к ней с драгоценными подарками – кругом молодежь полно, которые за четверть такого внимания ходили бы за ним строем и смотрели бы ему в рот.

На следующее утро Алиса проснулась чуть раньше положенного. Бертольда рядом не было, а из ванной слышалось плескание воды. Она посмотрела на лунку в подушке от Бертольдовой головы и подумала, что современная криминалистика смогла бы определить по величине этого кратера и того, что в нем осталось, почти все о человеке, включая размер обуви. Криминалистика интересовала Алису с двенадцати лет. Тогда она познакомилась с трудами Конан Дойля. Всякого рода нераскрытые преступления, о которых писали или говорили, поднимали ее настроение. Алисе импонировало не само злодейство или противозаконие, а гибкость человеческого ума, которая позволила такое заварить. После Конан Дойля были Кристи, Честертон, Маринина и другие. Она читала такое тайком от знакомых. Не смея носить книги в сумке, Алиса читала их исключительно дома и никогда не держала на видном месте.

Она никогда не принимала участия в обсуждении криминальных историй в компаниях, чтобы не показывать свое явное превосходство в прогрессивно-дедуктивной логике. Сама при этом думала, что если бы что-нибудь загадочно-криминальное произошло в ее жизни, то она бы сама занималась расследованием, а полицию пригласила в самом конце, для ареста.

Алиса собралась на работу быстрее, чем обычно – Бертольд занимался всем, включая прогулку с собакой. Он должен был появиться в ее офисе примерно через час после нее. Все так и произошло.

В офисе стояла обычная напряженно-пофигистская атмосфера – «чем хуже – тем лучше». Звонили телефоны. Люди жаловались, требовали и угрожали. Алиса написала заявление на отпуск, собрала всю необходимую информацию для Джерома, хозяина конторы, и готова была идти в его кабинет когда появился Бертольд. Он обошел всех девушек, сказал каждой что-то неважное, но необходимое и остановился около ее стола: «Алиса Патрикеевна, как поживаете, красота вы наша? Что нового в мире замечательных людей?»

Алиса подняла на него глаза и вспомнила лунку в подушке.

От этого стало не ко времени смешно, и она в тон ему ответила: «Благодарю вас, Бертольд Хазбулатович. У меня все нормально. Вот в отпуск собираюсь – подругу навестить в одном из южных наших штатов».

На «Хазбулатович» отреагировала немолодая и полная телом бухгалтер.

Она подняла голову и с интересом посмотрела на Бертольда.

Алиса похвалила себя за ловкий ход с объявлением о поездке.

Как раз в эту минуту задундел интерком – Джером ждал ее с документами.

Когда она вошла к нему в офис, он с кем-то рьяно ругался по телефону и рубил воздух коротенькой ручкой. Алиса уселась на стул для пришельцев и стала рассматривать новый перстенок у себя на руке: «Интересно, кроме Бертольда и меня кто-нибудь заметил, что у меня на руке бриллиант? Не думаю, подруга. Никто из них и не знает, что бриллианты бывают такого цвета. Я сама-то узнала это только вчера...»

Джером не слишком много понимал в бизнесе, но любил послушать доклады и сводки. Если бывал в хорошем настроении, то молчал, а если в плохом, то задавал много вопросов, не имеющих к предмету никакого отношения. Но если не получал на них ответов, накалялся и темнел лицом. У него была довольно артистическая внешность, но не привлекательная, а

характерная. Он носил дорогие пиджаки и европейского фасона узкие брючата. Все это вместе помогало ему выглядеть водевильным героем. Себя он считал неотразимым мужчиной, но к подчиненным не приставал. Вот только к Алисе он стал цепляться, с тех пор как увидел, как Матвей целовал ей руку и открывал дверь машины.

Телефонная ругань оборвалась на середине, и хозяин теперь подошел к Алисе ближе принятого приличиям и смотрел на нее сверху, насколько позволял ему его рост. Она накрыла перстенок ладонью – от сглаза – и повздымала грудью, как Анна Австрийская при виде Бэкингема. Джером не понимал шуток и не любил провокаций, но в декольте все-таки заглянул.

Алиса с деловым видом зашелестела бумагами и понесла обычную пургу о поставщиках и неполадках по почтовому ведомству в этой стране.

В конце своей речи поменяла тон на более оптимистический и у финишной прямой почти с восторгом рассказала о финансовых поступлениях. Она знала, что годы, проведенные у микрофона, не прошли даром – выражать себя даже через казенные слова у нее получалось.

Услышав про цифры, Джером сразу пообмяк и превратился из театрального злодея в пятидесятилетнего мужчину с заботами и страхами. Он сказал, что сам будет разговаривать со «сложными» клиентами, но чтобы она ему непременно об этом напомнила через день или через два.

Алиса заволновалась и сказала как могла серьезно:

– Джером, Джером, у меня есть просьба. Мне нужно уехать срочно по личным обстоятельствам на неделю. Та неделя все равно будет короткая, и работы не так много. Вот мое заявление.

Совершилась обратная метаморфоза, и опять водевильный злодей тарашился на Алису:

– У нас здесь компания, а не клуб интересных встреч. Есть правила, по которым мы функционируем, и мы не можем... – и Джером погнал свою пургу.

Алиса не перебивала его, а сидела как, потерявшийся котенок перед незнакомой дверью в надежде, что его не обидят.

Хозяин замолчал и медленно подошел к своему креслу. Алиса была к этому готова и сказала, что она все прекрасно понимает и с ним абсолютно согласна, но у нее сложилась неожиданная ситуация, она не может контролировать то, что случается с другими, она должна ехать, а потом вдруг спросила:

– Вам котенок с педигри нужен? Я могу достать за полцены.

Джером заулыбался:

– Взятку предлагаешь? Не нужен мне твой котенок – у меня новая мебель итальянской кожи. Какого он цвета?

– Что за вопрос – чистокровные фараоны могут быть только одного цвета. У него мать израильтянка, а отец – чемпион породы из Аддис Абебы.

Было видно, что Джером что-то взвешивает в своей голове.

– Ладно уж, поезжай. Скажи всем, что у тебя очередной отпуск.

Алиса вернулась в офис с легким сердцем – полдела было сделано, и можно ехать.

Она сразу нырнула в работу: сделала несколько деловых звонков, что-то распечатала в трех экземплярах и тут же разслала. Все это время Бертольд ковырялся в каком-то гарантийном агрегате в соседней комнате. Она видела его мелькание из-за полуоткрытой двери. Где-то около полудня он появился в ее кабинете и произнес общенаправленным голосом, что работу он закончил, но если аппарат будет давать сбои, то его просто заменят на другой согласно контракту.

Алисина соседка подписала ему время отбытия на бланке заказа.

Бертольд церемонно со всеми раскланялся и исчез за дверями.

Алиса застыла на секунду, но сразу же и поняла причину такого его ухода: она не сказала ему, что уезжает в отпуск. Для него это было и есть довольно оскорбительно. Независимо от

желтого бриллианта, который так ловко пристроился на ее пальце. Ну до чего же она зажавшаяся и бессердечная свинья.

Алиса набрала его номер телефона, но трубка молчала: он не берет ее, потому что видит номер офиса. Она не могла больше работать.

Как только стрелки стенных часов совпали на двенадцати, Алиса пулей вылетела из офиса. Солнце ослепило ее на миг. Она надела габбановские шейдс в поллица и стала похожей на сварщицу с верфей.

Бертольд стоял на другой стороне улицы и ел мороженое.

Должно быть, он весь кипит внутри. Неужели мороженое может быть натуральным охладителем?

Алиса подошла к нему и положила руку на его плечо:

– Берт, детка, ты не должен сердиться на меня – я просто забыла тебе сказать вчера вечером об отъезде, потому что твой приход был таким неожиданным. А потом мы были заняты приятным, а потом заснули изнуренные под одной березкой богатырским сном. Ну правда. Это никакой не отпуск – у моей подруги в Ричмонде неприятности, и мне надо туда ехать. Хочешь поехать со мной? – такой прыти от себя Алиса и сама не ожидала, но слова уже вылетели.

– Хочу.

– Тогда будь готов к пятнице. Вечером поедем рейсом на Greyhound, а там Асунта нас встретит на машине, и мы покатаем к ней в деревню.

Сказала и подумала, что поехать с Бертом было бы совсем неплохо, потому что... она никогда с ним никуда не ездила и не рассматривала как потенциального попугайчика. Его нью-джерсийская семья не так уж часто видит его в связи с постоянными командировками. От семьи, правда, осталась только жена, которая больше любит проводить время в своем книжном клубе, а не с мужем. Ну это уже не Алисино дело.

– Хочу, но не смогу. У меня полно работы на всю будущую неделю, так что поезжай без меня, но определенно я беру рейн-чек и использую его при первой возможности. Ты когда-нибудь была на Каймановых островах? Говорят, что там отличная рыбалка на крылатых рыб.

– Жалко, Берточка, что не можешь. Мы живем с тобой как-то урывками да уловками, как по-воровски. На Каймановых – нет, не была, а с тобой поеду хоть на край света.

Алиса не на шутку расчувствовалась и сама уже верила, что поедет с ним на край света.

Они поговорили о ее возвращении через неделю. Бертольд спросил о собаке – с кем она остается. Алиса сказала, что соседский мальчик будет ее кормить и смотреть с ней телевизор.

Они зашли за угол и целовались дольше, чем принято в часы обеденного перерыва в этой части Бруклина. Бертольд сказал, что у него сегодня еще есть работа, сел в машину и умчался.

По дороге в винный магазин к Фире Алиса думала про ложь как необходимую меру поведения в отношениях между людьми.

Первое, что пришло ей в голову, что если у людей нет отношений, то лжи между ними быть не может и не должно: они безразличны друг другу, поэтому у них нет никакой необходимости врать. Ну если только из любви к жанру. В то же время не врать людям, с которыми находишься в отношениях, категорически невозможно. Чаще всего это – белая ложь, святая ложь и мелкая полунеправда. Она бы и сама побоялась знать всю правду про многое, потому что таким образом может быть нарушен баланс отношений. Все нормальные люди понимают, что правда в первую очередь должна нести добро и быть удобной для жизни, а уже потом нести в себе противоречивые факты. Нормальные люди такое и за ложь-то не считают, а называют это кондиционной правдой. В этом нет ничего плохого, если все стороны согласны с правилами игры.

Она любит Бертольда, и от этой любви не могла сказать ему всю правду. А вовсе не из-за ценности подарков.

Но был еще другой уровень отношений, например, как с Денисом.

Она рассказывала ему всю правду. Они были много больше, чем друзья, но отношения между ними были самыми замечательными. Где провести линию между одним и другим, Алиса не знала, но врала все правильно для нормальной человеческой жизни и никому в ущерб. Успокоенная такой складной философией, она вошла в винный магазин. Его хозяйка, Фира, висела на телефоне и бойко осуждала какого-то родственника, который не шлет свою долю в Киев, на кладбище за присмотр за бабушкой и дедушкой – их могилы совсем заросли.

Алиса представила себе заросшие могилы забытых родственников и подумала, что, может быть, при жизни те бабушка и дедушка были бунтарями и не стриглись в знак протеста и что заросшие могилы могут быть только бессмертным подтверждением характеров.

Фира просканировала Алису, как рентгеновским лучом, по одежкам и подмигнула поощрительно, не прерывая разговора про могилы.

Алиса нашла свой черносмородиновый ликер среди французских ликеров, но разлив был 3/4 литра. Две бутылки были тяжеловаты, но делать нечего – заказ надо было исполнять.

Фира наконец закончила разговор по телефону и сказала Алисе комплимент о том, как она выглядит. Алиса протянула ей деньги и попросила упаковать бутылки для дальней дороги. Они поверхностно знали друг друга со времен, когда Алиса еще была на подмостках: Фира в те годы довольно часто бывала в их кабаке по разным причинам и без причин. Она знала, что Алиса больше не замужем, и ревниво относилась ко всем ее попутчикам, с которыми та заходила к ней в магазин. Кивая на упакованные бутылки Фира недоверчиво прокомментировала:

– Напиток для девичников и лесбиянок – уж не меняешь ли ориентацию?

– Уже поменяла: была супругой, а теперь нет. Ликер в подарок везу в другой штат. У них там только самогонку продают.

Глава вторая

Рабочий день пролетел довольно незаметно. По дороге домой Алиса зашла в продуктовый и купила плавленый сыр с зелеными чесночными ростками. На своей лестничной площадке Алиса увидела соседского мальчика – того самого, который в былые годы присматривал за собакой в ее отсутствие. То ли она его давно не видела, то ли действительно чужие дети растут так быстро, но был он с трудом узнаваем.

Он сидел на низком подоконнике в обнимку со смазливой и грудастой девочкой. Алиса приветственно кивнула ему и спросила, не сможет ли он к ней зайти сегодня вечером, когда освободится. Грудастая подружка безразлично смотрела на носки своих кроссовок.

Ключ проскользнул в правильное место без промедлений, и дверь открылась без помех. Алиса включила автоответчик, но из знакомых никто не звонил. Зато звонило много незнакомых голосов и предлагали много разного. Благодаря акцентам было понятно, что это были не записанные голоса. Алиса подумала, что у всех у них совсем никудышные маркетные координаторы – зачем ей обращаться к кому-то с индийским, испанским или китайским акцентами, когда она их с трудом понимает. К тому же ей не нужно рефинансировать дома, консолидировать долги или обновлять кухню до неузнаваемости.

Вещи для поездки лежали тремя ровными стопками на двух сдвинутых вместе стульях. Некоторые из них были еще абсолютно новыми, купленными по случаю, но случая до сих пор не представилось. Алиса решила померить кое-что из стопок. Обстановка и время позволяли: Сергей должен был позвонить до встречи, животные не просили есть и не стремились на прогулку. Первыми были короткие шорты, сшитые как из обветренного или заактированного паруса. Они привлекли Алисино внимание в свое время своей аутентичностью конфедератского флага величиной на всю задницу. Эти шорты явно были ударной единицей в предстоящей поездке: она же едет в столицу конфедерального Юга, который так и не подписал мира с Севером.

Прополитические южные шорты не очень налезали на ее северную попу. Проблема была в трусах. Так она подумала и стала подыскивать какие-нибудь не слишком въедающиеся трусики-танга. В эту минуту раздался звонок, но не телефона, а в дверь.

У человека явно есть чутье к опасностям, которых ему не хватает. Алиса заметалась по комнате с танга в руках. Она накинула на себя первое, что попало под руку, и пошла открывать дверь.

«Что попало под руку» было желтой шелковой рубахой Самца, каким-то образом осевшей среди Алисиных халатиков на крючках за дверями.

Сергей стоял с двумя лилиями и коробкой суши в руках.

– Я подумал, что ты будешь занята сборами и мы не сможем выйти поужинать, и проявил, так сказать, инициативу. Но цветы – самое главное...

Ему и не надо было этого говорить. Это было и так понятно. Сергей бывал у нее пару раз по-соседски и раньше, просто заходил за ней, когда они собирались куда-нибудь вместе. Ее неустроенность, на его взгляд, только подчеркивалась неустроенностью ее жилища. Он переживал это внутренне довольно тяжело и всегда стремился сократить время своего пребывания внутри Алисиной квартиры. Алиса догадывалась обо всем этом и, наверное, ценила.

Чтобы не выглядеть смущенной и обрадованной сверх меры, Алиса приняла цветы и суши от Сергея и дежурно поцеловала его в щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.